

В. В. Горочная

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ РФ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

28

Статья посвящена актуальной проблеме экономической безопасности приграничных регионов России, соседствующих с Украиной: Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областей и Краснодарского края. Цель исследования – оценка уровня экономической безопасности указанных регионов, а также ее динамики в период после 2014 г. с учетом циклических особенностей и долгосрочных трендов, действующих с начала 2000-х гг. На основе основных поднимаемых в исследовательской литературе и общественном дискурсе сюжетов выстраивается картина внутрорегионального восприятия существующих и потенциальных угроз экономической безопасности, сопоставляемая с результатами долгосрочного статистического наблюдения, направленного на выявление составляющих и факторов возникновения экономических рисков в регионах.

The article is devoted to the urgent problem of economic security of the Russian border regions, directly adjacent to Ukraine: Kursk, Belgorod, Voronezh, Rostov and Krasnodar regions. The study is going to assess the level of economic security in these regions, as well as its dynamics after 2014, taking into account cyclical features and long-term trends that have been in effect since the early 2000s. Having analyzed the research papers and public discourse, the study built the picture of intraregional perception of the current and potential threats to economic security, compared with the results of long-term statistical observation aimed at identifying the components and factors of economic risks in the regions.

Ключевые слова: экономическая безопасность, геоэкономическая турбулентность, приграничные регионы, Краснодарский край, Ростовская область, Воронежская область, Белгородская область, Курская область.

Keywords: economic security, geo-economic turbulence, border regions, Krasnodar region, Rostov region, Voronezh region, Belgorod region, Kursk region.

Введение

Геоэкономические изменения, происходящие после 2014 г. с введением экономических санкций и разрывом существенной части деловых и социальных контактов с Украиной, неизбежно отразились на национальной экономической системе России и в особенности — на западных и юго-западных приграничных регионах, непосредственно соседствующих с ней [10; 11]. Усложнилось и сократилось трансграничное взаимодействие [13; 17; 18]. Традиционно высокая доля украинских то-

варов и услуг в системе внешнеторгового оборота была существенно снижена после 2014 г. [21], что создало проблемы импортозамещения [5; 27], перераспределения географии контракции предприятий, смену и корректировку (в том числе удорожание) логистических цепочек [7]. Ситуацию существенно осложняет неопределенность статуса и неустойчивость экономической ситуации в приграничных территориях Украины [8; 22]. Все данные факторы, наиболее ярко проявившие себя в первые год-полтора после начала периода геоэкономической турбулентности, имеют долгосрочные последствия для экономики приграничных регионов [5]. Соответственно, актуализируются проблемы постоянного мониторинга, оценки и поиска механизмов обеспечения экономической безопасности приграничных регионов России.

Повышенное внимание к этому кругу проблем приводит к росту исследовательского интереса, начиная от общетеоретического осмысления экономической безопасности приграничного региона как относительно самостоятельной категории [9] и выявления специфики приграничного положения как источника дополнительных внутренних и внешних угроз [20] и заканчивая многочисленными прикладными аспектами [2], включающими вопросы индексации, оценки [4; 20] и управления [1; 25].

В то же время ряд исследований рассматривают внутренние системные факторы экономической безопасности в указанных регионах, ставя их в зависимость от общероссийских, а также выделяя юго-западные агроиндустриальные регионы России в самостоятельную категорию на основе специфики их производственного профиля, устойчивой отраслевой структуры и функциональной роли в национальной экономической системе, в связи с чем влияние приграничного фактора представляется лишь «градиентом», усиливающим внутренние вызовы и риски экономической безопасности, заложенные в экономико-правовом пространстве, бюджетно-финансовой сфере и пр. [26; 28–30]. Поэтому актуализируется проблема выделения общенациональных, макро-региональных, а также общих для Западного порубежья и частных, присущих каждому из рассматриваемых регионов, рисков с учетом «отрицательной синергии» их взаимоналожения.

При этом наряду с собственно экономико-статистической оценкой в современных условиях необходимо обращать внимание и на автостереотип, складывающийся в регионе, так как каждое региональное общество (в том числе деловая, административная и научная элита) обладает собственными паттернами восприятия степени и структуры угроз экономической безопасности. С одной стороны, данное направление исследований соответствует тренду расширения самой категории экономической безопасности, включения в нее компоненты восприятия и путей идентификации тех или иных факторов в качестве угроз и рисков [4; 20], с другой — представляется важным с точки зрения сопоставления статистических данных и внутрирегиональной интерпретации причинности динамики экономической безопасности и ее отдельных компонент.

Цель, теоретические предпосылки и методология исследования

Цель данного исследования состоит в выделении территориальной иерархии общероссийских, специфических для макрорегионов и приграничной зоны, а также частных факторов экономической безопасности регионов РФ, граничащих с Украиной, а также в сопоставлении статистической оценки экономической безопасности с автостереотипом восприятия угроз в каждом из соответствующих регионов. В число рассматриваемых субъектов включены: Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области, а также Краснодарский край. Исключение из числа рассматриваемых субъектов украинского приграничья Республики Крым в рамках данной работы обусловлено, с одной стороны, отсутствием технической возможности отследить уровень экономической безопасности в русле долгосрочных трендов, с другой — высоким уровнем специфичности проблем данного региона в контексте международного экономического взаимодействия с выраженным преобладанием экзогенных факторов риска.

Теоретические предпосылки к изучению специфики экономической безопасности рассматриваемых регионов реализованы преимущественно в отдельных исследованиях прикладного характера, проводящих различные статистические замеры по методикам, преемственным от практики индикации экономической безопасности на национальном уровне. Так, при изучении данной проблемы применительно к Курской области в исследование вовлекался комплекс показателей инвестиционной деятельности, кадрового, инновационно-технологического, инфраструктурного развития региона в сопоставлении с их пороговыми значениями зоны допустимого риска и критического уровня [1], в результате чего был маркирован повышенный риск инновационного сектора (включая инновационную инфраструктуру) в системе промышленного комплекса области при недостаточности собственных ресурсов для реализации полноценного технико-технологического перевооружения производства.

При исследовании экономической безопасности Белгородской области значения индикаторов сопоставлялись не с теоретически выведенными пороговыми, а со среднероссийскими, влияние приграничного фактора отразилось в сравнении со средними по прилегающим трансграничным территориям Украины [2], особое внимание также уделено динамике показателей в период после 2014 г. [3]. Оба подхода позволили выявить как относительно большую безопасность по сравнению с прилегающими трансграничными территориями, так и «снижение адаптивности системы» [2, с. 306], в первую очередь отразившееся на уровне инвестиционных и финансовых индикаторов, а также на уровне общей нестабильности большинства показателей за последние 5 лет [3].

Повышенное значение инновационно-технологической компоненты, наряду с Курской областью, отмечается и при исследовании структуры экономической безопасности Воронежской области через систему

индикаторов, где статистические показатели плотности организаций научно-технологического профиля не соответствуют показателям итогового инновационного продукта, что свидетельствует о слабой координации и недостаточной синергии их взаимодействия [12].

Широкий спектр статистических индикаторов (включая расширенный анализ социального и финансового блоков) был вовлечен в исследования экономической безопасности Краснодарского края [15; 16; 24]. При этом обращает на себя внимание, что в некоторых исследованиях в качестве базы сравнения использованы не среднероссийские или средние по трансграничным ареалам, а средние значения показателей по прилегающим субъектам РФ, тем самым акцентируя «разность потенциалов» в рамках территориальной структуры ЮФО в целом [15].

Наряду с исследованиями отдельных выборочных обследований, сравнительное изучение уровня экономической безопасности рассматриваемых регионов было осуществлено относительно макрорегиона, включающего вместе с Воронежской, Белгородской и Курской областями также Липецкую и Тамбовскую области [29]. Результаты подсчета интегральных показателей в сопоставлении с их критическими значениями показали отсутствие дифференциации регионов, имеющих и не имеющих приграничного положения, по уровню экономической опасности, равно как и ухудшение ситуации в Липецкой области на фоне улучшения в Белгородской при общей нестабильности [29, с. 424].

Вместе с количественными замерами качественные экспертные оценки экономической безопасности были проведены применительно к Воронежской [23] и Ростовской [6; 7] областям, что позволило не только выявить проблемы изменения логистических цепочек и их удорожания, а также изменения характера деловой среды, качественных кадровых экономико-правовых проблем, неочевидные при статистическом наблюдении, но и вскрыть расхождение между статистической отчетностью и фактическими данными в качестве источника экономических угроз на уровне искажения информации и сокрытия неблагоприятной динамики ряда важных показателей (в первую очередь экспертами отмечалась динамика малых предприятий [6]).

Несмотря на относительную изученность проблем экономической безопасности каждого региона и отдельных их групп (преимущественно в рамках федеральных округов и экономических районов), еще не произведены исследования, выявляющие специфику факторов экономической опасности российско-украинского приграничья. Также в большинстве рассмотренных работ, основанных на экономико-статистических методах, период статистического наблюдения составляет всего 3–5 лет, что не позволяет выявить долгосрочные тренды и особенности осцилляционной циклической динамики показателей (отмечаемая большинством авторов нестабильность рассматриваемых индикаторов может быть вызвана не столько ныне действующими экзогенными факторами, сколько внутренней осцилляционной динамикой, присущей региональному воспроизводству).

Настоящее исследование основано на разработанной специально для изучения регионов Западного побережья России [20] методике

20 общих показателей экономической безопасности, подсчитанных на основе данных официальной статистики [21], в сочетании с качественными экспертными методами, апробированными применительно к Ростовской области в нашей предыдущей работе [6]. Глубина архива данных составляет 18 лет (с конца 2000 по начало 2018 г.). Базу сравнения по каждому индикатору составляют три его значения: среднероссийское, среднее по всем западным порубежным регионам, а также среднее по исследуемой группе регионов РФ, составляющих русско-украинское порубежье. Наряду со статистическим анализом проводится фиксация основных версий причинности угроз экономической безопасности, содержащихся в научно-исследовательской литературе за период с 2014 г. по настоящее время, что реализует задачу выявления сформировавшегося в регионе автостереотипа.

Результаты статистического исследования

Сопоставление динамики регионов со средними значениями в долгосрочном периоде позволило разделить их на три основные группы.

1. Показатели, практически полностью синхронные с общероссийской динамикой (отражают структурные компоненты экономической безопасности, в наибольшей мере определяемые национальными трендами и не особо зависимые от трансграничного соседства).

2. Показатели, в целом обнаруживающие синхронность по отношению к общероссийским и общим для Западного порубежья трендам, с наличием значимых отклонений (вызванных макрорегиональными градиентами производственного профиля, отраслевой структуры, отношений с федеральным центром и т.д.), в том числе в период после 2014 г. (что может маркировать общность проблем, вызванных приграничным положением).

3. Показатели, ведущие себя специфическим образом в динамике каждого из рассматриваемых регионов, что отражает их существенные отличия и эндогенные факторы.

В числе *наиболее синхронных* для рассматриваемых регионов оказались уровень инфляции (несколько сильнее возросший в 2013–2015 гг. по Западному порубежью в целом, но стабильно снижающийся во всех регионах), а также все показатели социально-демографического блока и уровня жизни населения:

– постепенно снижавшаяся и практически стабилизировавшаяся после 2015 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (наиболее высокая в Ростовской области – около 14 %, наименьшая в Белгородской области – менее 8 %);

– отношение средней пенсии к средней заработной плате, возраставшее в 2018–2010 и 2014–2015 гг. (лишь для Белгородской области значение стабильно ниже среднероссийского);

– стабильно возрастающая ожидаемая продолжительность жизни (наибольшая в Белгородской – 73,7 лет – и в целом превышающая среднее значение по всем западным приграничным регионам, за исключением Курской области – 71,7 лет);

— суммарный коэффициент рождаемости, с учетом осцилляции демонстрировавший общий тренд роста до 2016 г., после чего (с двухлетним лагом) его значение снова стало сокращаться (стабильно ниже в Воронежской и Белгородской областях — 1,37 и 1,39 соответственно, а также стабильно выше в Краснодарском крае — 1,72);

— общая площадь жилых помещений на душу населения, которая во всех рассматриваемых регионах стабильно продолжает расти, несмотря на общее торможение роста в среднем по Западному порубежью в период 2000—2014 гг. При этом в Белгородской, Воронежской и Курской областях значение данного индикатора стабильно выше (29,4—30,6 м²), в то время как в южных регионах оно стабильно следует за среднероссийским уровнем в 25,2 м².

С несколько большей вариацией примыкают к группе наиболее синхронных индикаторов и другие, относящиеся к социальной сфере и уровню жизни:

— цепные темпы роста численности населения: до 2012 г. они были существенно ниже в Курской области (снижение до 98,5), а после 2000 г. стали существенно выше в Краснодарском крае (рост до 101,1). В остальных регионах держатся на уровне среднероссийских значений (порядка 100,1), как и в целом по Западному порубежью;

— коэффициент фондов, маркирующий уровень социального неравенства: здесь у каждого из регионов наблюдается осцилляция с длиной волны в 2—3 года, при этом наблюдается и общий рост неравенства до 2008 г. (за счет общего роста доходов происходило и социальное расслоение), стабилизация ситуации в период до 2014—2015 гг., а также сокращение. В Краснодарском крае и Воронежской области значения индикатора выше других и почти совпадают с общероссийскими (15,3), в то время как в Курской области они минимальны и совпадают со средним по Западному порубежью (12,3);

— уровень среднедушевых денежных доходов в отношении к прожиточному минимуму: при наличии осцилляции с различной длиной волны очевидна общая тенденция к росту вплоть до 2013—2014 гг., после чего наступил перелом в направлении тренда с сохранением присутствующей каждому региону колебательной динамики. Если в большинстве своем рассматриваемые регионы оказываются ниже среднероссийского уровня, то после 2008 г. его стабильно превышает Белгородская область (рост до отметки в 4,9 раз), с 2012 г. также Краснодарский край, а с 2013 — Воронежская область (до 4,5 раз). Тренд Ростовской области (до 3,6 раз) в целом коррелирует со средним по всему Западному порубежью;

— уровень безработицы (по методологии МОТ), тренды которого синхронизировались по всем рассматриваемым регионам после 2008 г. как в росте (спровоцированном мировым экономическим кризисом), так и в дальнейшем сокращении. При этом безработица в Белгородской области стабильно ниже других регионов (за последнее десятилетие не превышала 3,7—4,1), а после 2014 г. до аналогичного уровня она снизилась в Курской и Воронежской областях;

— в целом синхронной остается динамика уровня преступности (число преступлений на 100 тыс. населения), снижавшегося после 2006 г. и вновь возросшего в период 2014—2015 гг. Следует отметить наиболее

масштабный и длительный рост преступности в Воронежской области, превысивший к 2015 г. среднероссийское значение (1631) и составивший 1685, а также продолжение положительной динамики преступности в Ростовской области.

В группе *относительно синхронных* показателей главным образом оказываются собственно экономические — производственные и финансовые:

— отношение душевого ВРП к общероссийскому показателю для западных порубежных регионов в целом росло до 2009 г., после чего стабилизировалось на отметке 0,85, а после 2014 г. наметился пропорциональный спад. Для большинства рассматриваемых регионов рост стал более продолжительным — до 2011 г. для Белгородской области, до 2013 для Краснодарского края, до 2015 для Воронежской области. Продолжился он (пусть и замедляющимися темпами) в Курской и Ростовской областях, на основе чего очевидно общее правило: наиболее продолжительный рост душевого ВРП относительно России в целом наблюдается в тех регионах, где само значение показателя изначально низкое и имеется соответствующий потенциал для повышения. Лидером же остается Белгородская область, превысившая общероссийскую планку в 2011 г. (1,04) и с тех пор сохраняющая примерно тот же уровень;

— показатели сбора зерновых (в расчете на душу населения) при наличии естественной осцилляции, задаваемой спецификой отрасли, во всех рассматриваемых регионах стабильно выше общероссийских, что обусловлено наличием аграрного профиля, и растут (за исключением последствий кризиса 2008—2010 гг.). После 2014 г. темпы роста оказались пропорционально выше, чем по России в целом, особенно лидируют Курская (45,1 ц на конец 2017 г.) и Ростовская (31,9 ц) области, в то время как в Краснодарском крае значение показателя стабилизируется на отметке 25,2 ц;

— удельный вес убыточных организаций вплоть до 2008 г. был существенно ниже в южных регионах (минимум 15,2 % в Краснодарском крае и 19,3 % в Ростовской области), в Воронежской и Белгородской областях он держался на среднероссийском уровне (колебавшемся в диапазоне от 25 до 50 %), а в Курской области существенно превышал его (максимум 62 %). Синхронизация трендов наметилась в период кризиса 2008—2010 гг., а после геоэкономических сдвигов 2014 г. траектории регионов снова индивидуализировались, наиболее нестабильная динамика характерна для Курской области, наиболее низкие показатели — для Воронежской (около 20 %). Для всех рассматриваемых регионов текущие значения индикатора ниже среднероссийского уровня (26—28 %), при том что в среднем по Западному порубежью России наблюдается превышение национального показателя (порядка 28—31 %).

К данной группе показателей также примыкает довольно амплитудный по уровню осцилляции индикатор удельного дефицита консолидированного бюджета, при этом наибольшая амплитуда и наиболее высокие и низкие значения характерны для наиболее благополучных регионов — Белгородской области и Краснодарского края. Рост дефицитности бюджета, наряду с кризисом 2008—2010 гг., произошел для всех рассматриваемых регионов после 2014—2015 гг. В положительные

значения дефицита вышли все регионы, несмотря на то, что общероссийские, а также общие для Западного порубежья значения остались отрицательными. Тенденция к сокращению дефицита бюджета наметилась лишь в Ростовской области.

В третью группу — наиболее специфических по характеру динамики показателей — попадают все индикаторы инновационной и инвестиционной деятельности (рис. 1).

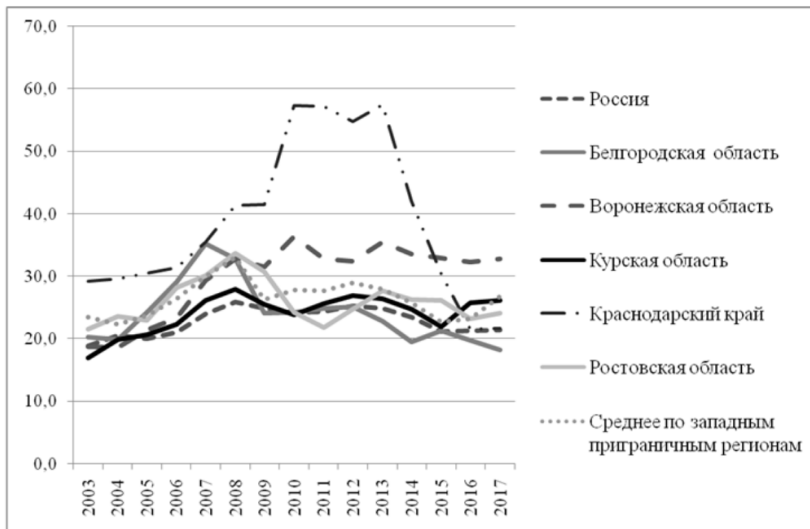

Рис. 1. Динамика отношения инвестиций к ВРП

Источник: составлено автором на основе [21].

Рассмотрим их подробнее, поскольку они отражают характерные особенности каждого из регионов:

— отношение инвестиций к уровню ВРП для всех регионов, за исключением Белгородской области, за последние годы выше общероссийского уровня. Наиболее амплитудна его динамика в Краснодарском крае, а в Воронежской области длительное время сохраняется примерно на одном уровне, спад 2013—2014 гг. совпал с циклическим, а впоследствии наметилась существенная дивергенция (рис. 1);

— износ основных фондов (в процентном выражении по полному кругу предприятий) меняется в южных регионах иначе, чем в остальных. Если в Ростовской области и особенно в Краснодарском крае он сокращался до 2013—2015 г., после чего снова стал возрастать, то в других исследуемых субъектах его динамика описывает противоположный контур: обновление основных фондов начало происходить активнее после 2014 г. и особенно — после 2016 г., лидером в данном отношении является Воронежская область. С 2011 г. несколько возросло и стабилизировалось значение данного показателя в Белгородской области. Стабильно выше общероссийского износ основных фондов в Курской области, хотя и здесь наметилось сокращение разрыва в значении показателей (рис. 2);

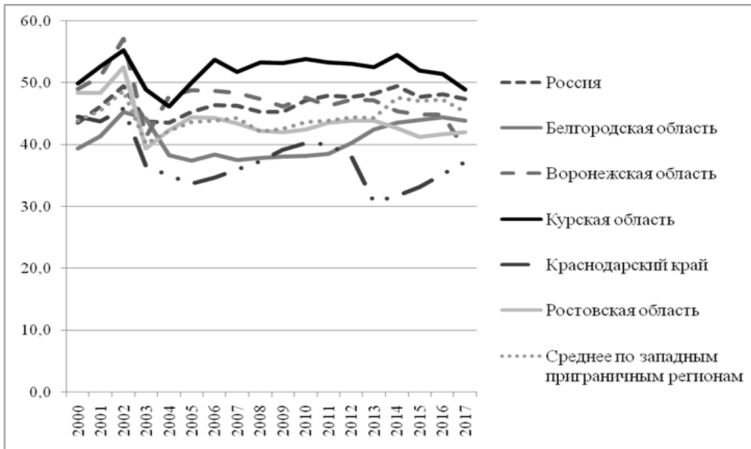

Рис. 2. Износ основных фондов

Источник: составлено автором на основе [21].

— соотношение затрат на технологические инновации и на исследования и разработки, изначально повышенное и амплитудное в Белгородской области, возросло после 2015 г., вышли в активный рост Краснодарский край и в меньших, но также ощутимых масштабах — Ростовская область (в отличие от других регионов она сохранила циклические особенности своей динамики). Обратный эффект произошел для Курской области: если до 2005 г. значение показателя превышало средний по всем западным порубежным регионам, то сдвиг 2014 г. способствовал лишь новому снижению, несмотря на производственный профиль региона, ориентированного на технологические отрасли. Для остальных регионов, демонстрирующих умеренный рост (а также для Ростовской области), он был заложен еще в начале 2010-х гг., а сдвиг 2014 г. спровоцировал резкое увеличение лишь в Белгородской области и Краснодарском крае (рис. 3);

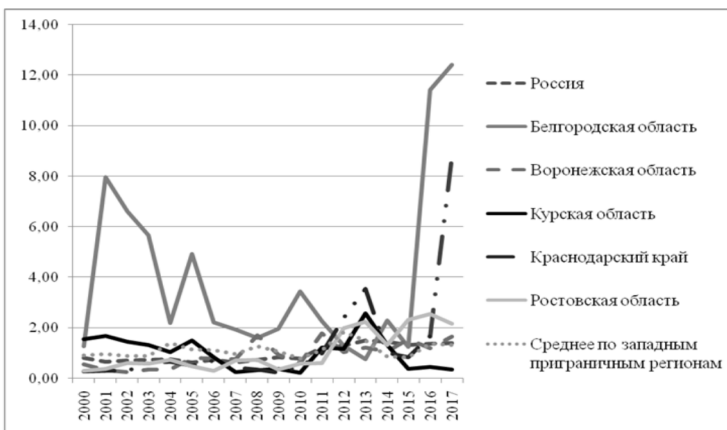

Рис. 3. Соотношение затрат на технологические инновации и на исследования и разработки

Источник: составлено автором на основе [21].

— доля инновационного продукта в общем объеме товаров и услуг в целом повторяет предшествующий показатель. Каждый из регионов обнаруживает собственные тенденции: активный рост в Краснодарском крае и Белгородской области, соперничающих с Ростовской областью (лидировавшей по рассматриваемой группе регионов на протяжении 2013–2016 гг.); сохранение импульсивной ритмики Воронежской области; исключение составляет умеренный, но поступательный рост в Курской области. При этом показатели по всем рассматриваемым регионам оказываются выше средних по Западному порубежью; среднероссийский уровень после 2014 г. превышают три региона-лидера, периодически также Воронежская и Курская области;

— соотношение объема отгруженной инновационной продукции и затрат на технологические инновации также аналогично остальным рассмотренным показателям инновационного блока экономической безопасности (рис. 4).

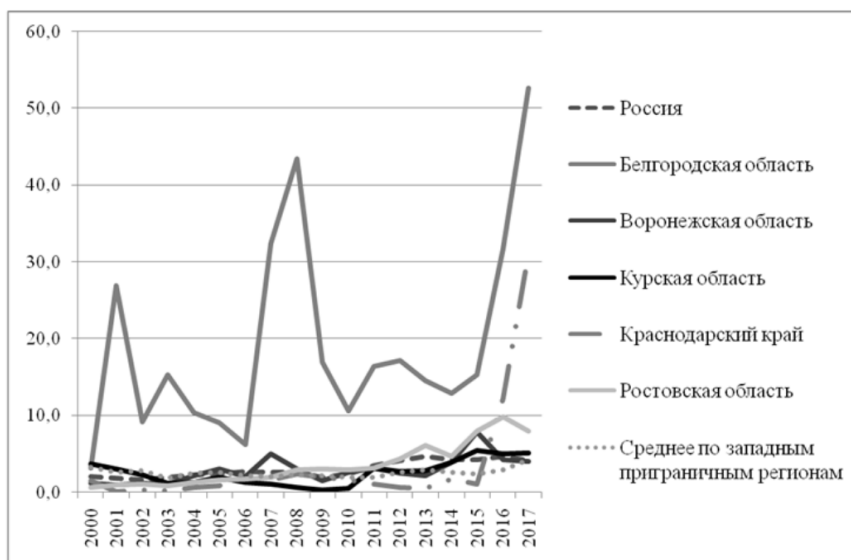

Рис. 4. Соотношение объема отгруженной инновационной продукции и затрат на технологические инновации

Источник: составлено автором на основе [21].

Таким образом, и обновление производства за счет инвестиционной деятельности, и инновационный сектор являются теми сферами, где каждый из регионов проявляет свою специфику как на протяжении длительного периода, так и в результате геоэкономических изменений после 2014 г.

Дискуссия: региональный автостереотип

Проведенный анализ статистических данных позволяет выстроить многоуровневую картину зависимости различных составляющих экономической безопасности регионов от факторов общенационального,

макрорегионального, приграничного и внутрирегионального происхождения, но не учитывает целый ряд качественных параметров, не отраженных в системе российской статистики. В связи с этим следует учитывать, на какие основные проблемы обращено внимание исследовательского сообщества каждого из регионов, — это также отражает сложившийся автостереотип восприятия источников рисков и угроз.

Общероссийская причинная обусловленность повышения уровня экономической опасности после 2014 г. фигурирует в исследованиях по Белгородской [2; 3], Воронежской [12; 23; 28] и Ростовской [6; 7; 14] областям и связывается в первую очередь с общероссийским снижением инвестиционной привлекательности, потребностью в импортозамещении и удорожании товаров и услуг [27], а также бюджетно-финансовыми проблемами [25], возникшими в большинстве российских регионов. В целом данная картина соотносится с индикаторами, которые были подвергнуты статистическому наблюдению на протяжении длительного периода, равно как и фиксируемое в Белгородской и Воронежской областях относительное социальное благополучие (или по крайней мере стабилизация ситуации).

Что примечательно, в Курской области [1] как вышеупомянутые, так и другие фиксируемые проблемы воспринимаются преимущественно в качестве внутрирегиональных: снижение инвестиционной активности связывается не с общероссийской неблагоприятной ситуацией, возникшей как следствие геоэкономических процессов, а в большей мере с отсутствием региональной детальной и профессиональной стратегии маркетинга территории и налаженных путей привлечения инвестиционных потоков извне, недостаточно квалифицированным управлением и кадровыми проблемами. Аналогичный взгляд присутствует и в Воронежской области [12], где возникающие проблемы объясняются недостаточной связностью производственной и инновационной среды, отсутствием продуманной стратегии внутрирегиональной и внешней кооперации, недостатком как производственных, так и управленческих кадров.

Иной вектор внутрирегиональной причинности наиболее критичных проблем наблюдается в Ростовской [6; 7] и (в меньшей степени) в Белгородской областях. В качестве ключевых угроз местное сообщество видит ухудшение собственной бизнес-среды: как в плане ухода предприятий за пределы регионов, так и за счет повышения конфликтности взаимодействия с региональной администрацией. Если смена внешних партнеров в этом контексте стала преодолимым препятствием и осуществилась за счет проявления самоорганизации и региональной адаптивности, то разрыв кооперационных связей и утрата важных «игроков» внутри региона оказались гораздо более сложной проблемой, создающей «пробелы» и снижающей «внутрирегиональный иммунитет» к внешним потрясениям. В Курской области [1] иной ракурс видения проблемы: в качестве гаранта экономической безопасности региона рассматривается взаимодействие не с местными административными кадрами, а между регионом и федеральным центром — как через лоббирование интересов местных производителей, так и через привлече-

ние средств в инвестиционно не самодостаточный регион посредством реализации федеральных целевых программ. В Ростовской же области как относительно самодостаточном и располагающем большим внутренним потенциалом регионе, напротив, восприятие проблем сосредоточено именно вокруг внутрирегионального пространства деловой среды и управления, несмотря на то, что большее участие в лоббировании региональных интересов на федеральном уровне смогло бы сыграть положительную роль для региона.

Наконец, наряду с федеральным и региональным ракурсами присутствует еще один — межрегиональный, рассматриваемый главным образом в Краснодарском крае [15]. Регион занимает активную конкурентную стратегию по отношению к своим соседям на Юге России, рассматривая в качестве наиболее проблемных ареалов взаимодействия Ростовскую область и Республику Калмыкию. При этом наличие у конкурентов сильных сторон и стратегических преимуществ рассматривается как вызов, который должен быть преодолен за счет повышения привлекательности и интенсификации деловой активности в Краснодарском крае. Но и слабые стороны соседствующих территорий (и в первую очередь — в социальной сфере) в равной мере видятся в качестве угроз, так как могут повлечь миграционный приток неквалифицированной рабочей силы, повышение социальной и инфраструктурной нагрузки на экономику края.

Фактически единственным регионом, в отношении которого за последние годы часто актуализируются проблемы трансграничного взаимодействия, приграничного положения, соседства с Украиной как источников угроз экономической безопасности, является Белгородская область. По результатам статистического мониторинга она выглядит наиболее благополучным субъектом из всего российско-украинского порубежья — как по социальным, так и по экономическим и инновационным показателям. Соответственно, относительное благополучие региона на общем фоне прилегающих территорий (как внутрироссийских, так и трансграничных) становится дополнительным стимулом к сохранению своих позиций и восприятия собственного менее благополучного окружения в качестве источников дополнительных угроз (по аналогии с ситуацией на Юге России, где сходную позицию, но без учета трансграничного фактора, занимает Краснодарский край).

Также отметим, что периодически угрозы трансграничного характера отмечаются в отношении Воронежской области, где разрыв части деловых контактов хотя и не стал критичным, но отложил негативный отпечаток на региональную экономику, равно как и миграционная волна из Украины, прошедшая в 2014–2015 гг. и не создавшая существенной напряженности на рынке труда. В настоящее время в качестве ключевых рисков рассматривается лишь возможность разрыва важных для региона научно-технологических контактов, включая использование объектов интеллектуальной собственности.

Несмотря на то что статистический мониторинг показал различные траектории рассматриваемых регионов в процессе развития и интенсификации инновационного производства, тематика инновационной

компоненты региональной экономической безопасности поднимается в научной литературе и медиадискурсе в отношении каждого из них. Именно инновационный сектор видится в качестве средства реализации политики импортозамещения, преодоления текущих рисков и угроз, компенсации финансово-инвестиционных потерь вследствие сложившейся геоэкономической ситуации. Он же рассматривается и в качестве «слабого звена» региональной экономики, нуждающегося как во внешней поддержке, так и во внутренней интеграции. Подобный ракурс связан и с тем, что инновационная компонента присутствует в агроиндустриальном хозяйстве каждого из регионов, обслуживая как сельскохозяйственный, так и промышленный сектор, а также инфраструктуру. Ее присутствие и стратегическое значение осознаются все больше, и в особенности — в условиях реального усиления межрегиональной конкуренции. Однако факторы успешной реализации кооперации науки и производства, инноватизации хозяйства и общественной жизни остаются еще недостаточно отслеженными и изученными, что актуализирует проблемы инновационной безопасности в структуре общеэкономической в качестве проблемы для дальнейших исследований.

Заключение

Как было показано в данной работе, субъекты РФ, составляющие русско-украинское порубежье, а также испытывающие комплекс проблем вследствие геоэкономической турбулентности, на данный момент не осознают в полной мере общность своего положения в национальной хозяйственной системе России, а также в рамках ее Западного порубежья. Об этом говорит тот факт, что в центре внимания оказываются не собственно трансграничные проблемы, но их проекции на региональное хозяйство, социум, административную и деловую среду, воспринимаемые в качестве внутренних факторов экономической опасности. Вызванные же геоэкономическими сдвигами после 2014 г. изменения осознаются в качестве общероссийских и находящихся за пределами ведения и управления на уровне регионального хозяйства (а отчасти — и в качестве временных и не столь значимых на фоне динамики внутрирегиональной среды).

Частично подобный автостереотип отражает реальную ситуацию, что было выявлено на основе статистического мониторинга. В рассмотренной структуре экономической безопасности, выраженной через систему 20 показателей, половина индикаторов оказываются практически полностью (либо с небольшой вариацией на уровне отдельных регионов) синхронными между собой, а также с общероссийскими трендами. Социально-демографическая ситуация и уровень жизни населения определяются общенациональными трендами (в том числе экзогенными, что показал рубеж ряда показателей, четко пролегающий в период с 2013 по 2016 гг., с учетом лагового эффекта). Если показатели уровня жизни до этого времени росли, то большинство из них хотя и не обнаружили резкого падения, все же были остановлены в своем росте. Такое

«торможение» повлекло за собой некоторое ухудшение социально-демографической ситуации, совпавшее и резонансно усилившее естественное и закономерное фазовое снижение.

В то же время показатели, обнаруживающие большие или меньшие отклонения от общенациональных трендов как по отдельным регионам, так и в целом, тоже составляют 50 % от рассмотренных компонент экономической безопасности, что является важным маркером наличия общих и частных проблем в русско-украинском порубежье. Главным образом они сосредоточены в инвестиционной, бюджетной, организационно-деловой сферах. Фиксированный в рамках исследования рост бюджетного дефицита и его положительные значения на фоне растущих, но все же отрицательных общероссийских и общих для Западного порубежья значений, маркируют повышенные риски и затраты именно для регионов русско-украинского приграничья на общем фоне.

Одним из последствий 2014 г. стало усиление базовой производственной специализации регионов, и в особенности — аграрной, что позволило несколько выровнять ситуацию сокращения деловой активности в более уязвимых секторах экономики. В первые 2—3 года после начала геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад» все рассмотренные регионы в большей или меньшей степени продемонстрировали адаптивность, гибкость и жизнеспособность, в том числе благодаря развитой многоотраслевой структуре, наличию потенциала для развития инновационной компоненты. Однако уже после 2016 г. наметился перелом в развитии ситуации, так как на фоне произошедших событий и адаптивной реакции региональной экономической системы обнаружились и усилились проблемы иного порядка. В первую очередь к ним следует отнести рост «межрегионального неравенства», «расслоение» по различным параметрам, что в итоге привело к усилению межрегиональной конкуренции как на уровне борьбы за внимание и помощь федерального центра, поставщиков и рынки сбыта региональной продукции, так и через асимметричные стратегии привлечения квалифицированных кадров (включая миграцию деловой и административной элиты). Выраженная конкурентная позиция пришла на смену кооперационной, которая могла бы способствовать интеграции межрегионального потенциала для противодействия общим угрозам, в том числе в трансграничном пространстве.

Также по итогам исследования обращает на себя внимание «инверсия» между статистически фиксируемым уровнем экономической опасности и его восприятием в региональном сообществе. Именно относительно благополучные и инновационно активные (на общем фоне) регионы — Белгородская область в Центральном Черноземье и Краснодарский край на Юге России — в наибольшей мере акцентируют проблемы экономической безопасности и склонны видеть их источником прилегающие территории: как внутрироссийские, так и трансграничные.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. Афанасьева Л. В., Белоусова Л. С., Ульянцева Ж. А. Управление экономически безопасным развитием региона инструментами промышленной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2018. №3. С. 178–187.
2. Безуглова Ю. В., Иголкина Т. Н., Эмирова И. У. Прикладные аспекты оценки региональной экономической безопасности (на примере Белгородской области) // Инновации и инвестиции. 2019. №6. С. 304–309.
3. Глотова А. С., Лихобабенко Е. А. Оценка экономической безопасности Белгородской области в контексте ключевых показателей социально-экономического развития региона // Integral. 2019. №3. С. 518–522.
4. Горочная В. В., Дружинин А. Г. Индикация экономической безопасности приграничного региона в условиях геэкономической турбулентности (на примере Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №1. С. 96–106.
5. Горочная В. В. Турбулентность в геэкономике: методический подход к моделированию воздействия на экономическую динамику порубежного региона // Экономика устойчивого развития. 2018. №4 (36). С. 136–142.
6. Горочная В. В. Экономическая безопасность приграничного региона: количественные и качественные измерения (на примере Ростовской области) // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. №2. С. 16–37.
7. Горочная В. В. Экономическая безопасность Ростовской области в условиях геэкономической турбулентности: опыт экспертного эмпирического обследования // Балтийский регион – регион сотрудничества – 2019 : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 169–181.
8. Горский Ю. В., Буянский С. Г., Буслаев С. И. Особенности чрезвычайной ситуации и социальной обстановки на территориях Донбасской и Луганской республик: экономико-политический аспект // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. №2-1 (22). С. 148–154.
9. Дронов Р. В., Ганчар Н. А. Подход к исследованию экономической безопасности приграничного региона как научной категории // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. №4 (124). С. 69–74.
10. Дружинин А. Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геэкономический аспект // Географический вестник. 2018. №2 (45). С. 28–39.
11. Емельянов А. С. Современное состояние трансграничной коммуникации на Юго-Западе Российской Федерации // Социодинамика. 2020. №2. С. 46–63.
12. Зеленцова С. Ю. Инновационная система региона как основа обеспечения социально-экономической безопасности территории на долгосрочную перспективу (на примере Воронежской области) // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. №15. С. 65–70.
13. Зотова М. В., Колосов В. А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года // Сравнительная политика. 2018. №2. С. 41–61.
14. Казанин И. Ю. Исследование социально-экономической безопасности Ростовской области, когнитивное моделирование стратегии развития // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2009. №3. С. 12–16.

15. Листопад М.Е., Герич В.М. Повышение социально-экономической безопасности Краснодарского края // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. №8 (365). С. 1460–1478.

16. Маханько Г.В., Назаренко Н.А., Чичканева Е.С. Оценка экономической безопасности региона (на примере Краснодарского края) // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. №128. С. 649–664.

17. Митрофанова И.В. Интеграция и дезинтеграция экономик Южного федерального округа России и Украины в 2013–2014 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2016. №6. С. 41–46.

18. Митрофанова И.В. Экономические связи юга России и Украины в новых геополитических условиях: свободное падение? // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. №11–3. С. 168–173.

19. Панченко М.И. Обеспечение экономической безопасности Ростовской области посредством инвестирования в инновации // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. №10 (62). С. 15–17.

20. Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России / под ред. Г.М. Федорова. Калининград, 2019.

21. Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 17.09.2020).

22. Руднев Е.Е. Угрозы внешнеэкономической безопасности РФ при взаимодействии с непризнанными государствами на постсоветском пространстве // Теория и практика общественного развития. 2020. №2 (144). С. 47–51.

23. Соколинская Ю.М. Мероприятия по обеспечению экономической безопасности системы государственного регулирования социально-экономического развития на примере Воронежской области и АО концерн «Созвездие» // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. №1 (75). С. 341–347.

24. Терещенко А.П. Социально-экономическая характеристика и мониторинг показателей экономической безопасности Краснодарского края // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12. С. 247–250.

25. Харченко С.В., Капляян П.А., Мустафаева Н.Ю. и др. Обеспечение экономической безопасности посредством стабилизации бюджета Ростовской области // Economics. 2016. №4 (13). С. 47–49.

26. Belousov S.A., Pavlov A.Y., Batova V.N. et al. Neoendogenous Model of Overcoming Imbalances in Economic-legal Framework of Russia Agrarian Regions as a Factor of Economic Security // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. Vol. 7, №. 1. P. 167.

27. Cherkasova E., Mironova D., Demidova N. Features of import substitution in the agro-industrial complex of the Rostov region // E3S Web of Conferences. EDP Sciences, 2020. Vol. 175. P. 13020.

28. Illarionova E., Samarina V., Glekov P. Economic security as a factor in the balanced development of an agro-industrial region (on the example of Belgorod region) // Volgograd State University International Scientific Conference Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy. Atlantis Press, 2019. P. 230–234.

29. Khorev A., Grigorieva V., Belyaeva G. The Spectrum of Threats of Regional Economic Security // New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development. Atlantis Press, 2020. P. 420–425.

30. Kushch E.N., Takhumova O., Drannikova E. et al. Minimization of risks and threats in the system of economic security at the meso-level // IAJPS 2019. Vol. 6 (3). P. 5741–5746.

Об авторе

Василиса Валерьевна Горочная – канд. экон. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; специалист по учебно-методической работе, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

The author

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University; Expert, South Federal University, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com